

Ночь впервые показалась волнительной.

Фу Гэ бросился к двери и резко распахнул её. Свет из спальни мгновенно пролился в тёмный коридор, словно разрывая ночь надвое.

А в этом разломе, будто удерживая тьму на расстоянии, стоял Ци Хань. Его присутствие разгоняло все страхи, вытесняло липкий холод, от которого сводило дыхание.

— Добрый вечер, господин, — голос Фу Гэ был тихим, но полным какого-то старого, затаённого тепла.

Он глубоко вдохнул, ощущая, как сердце колотится под рёбрами. Казалось, что надо что-то сказать, как-то ответить на то самое “в следующий раз постарайся лучше”.

Он нерешительно сжал кулаки и, чуть опустив голову, совсем тихо пробормотал:

— Вы... сегодня очень красивы.

Ци Хань усмехнулся, небрежно взъерошил его волосы:

— Лстец.

Фу Гэ не знал, что ответить. Да и думать об этом не было времени. Весь его разум был занят лишь одной мыслью: как бы заставить Ци Ханя остаться. Пусть даже не ради того, чтобы снова принадлежать ему. Просто... чтобы не оставаться одному. Чтобы хоть ненадолго заглушить эти бесконечные кошмары, что душили его ночами.

Он торопливо подошёл к дивану и, не раздумывая, опустился на колени.

— Иди сюда, — резко бросил Ци Хань, перехватывая его за плечи прежде, чем он успел сделать что-то ещё. Холодный взгляд скользнул по его коленям, остановился на тёмных синяках. Подбородком он кивнул в сторону кровати:

— Сядь.

Фу Гэ послушно кивнул и, неловко переминаясь с ноги на ногу, подошёл ближе. Бросил быстрый взгляд на постель, потом на альфу, нервно сглотнул. Пальцы, слегка дрожащие, осторожно потянулись к молнии на брюках Ци Ханя.

Но стоило ему дотянуться до половины, как он не удержался и, опустив глаза, неуверенно спросил:

— Господин... вы хотите... сегодня со мной?..

Ци Хань опустил взгляд и равнодушно произнёс:

— Не надо. Главное — чтобы я кончил.

Пальцы Фу Гэ дрогнули. Только теперь до него дошло, что за целый месяц после их встречи Ци Хань ни разу не занимался с ним любовью. В лучшем случае позволял использовать рот, и даже сегодня — чаще обычного. Но, судя по всему, его умения оставляли желать лучшего.

Фу Гэ невольно сжал пальцы, чувствуя, как тягостная досада накатывает волной.

Бета был скучным и неинтересным. Бета не мог его возбудить.

Именно поэтому сегодня Фу Гэ старался изо всех сил.

Фу Гэ обхватил пальцами ствол Ци Ханя и глубже принял его. Рот был забит так плотно, что воздуха почти не оставалось. Он изо всех сил пытался справиться, поднял глаза и украдкой посмотрел на Ци Ханя.

Но не успел он как следует разглядеть его лицо, как волосы резко дёрнули назад.

— Мм—! — Фу Гэ зашипел от боли, голова сама собой откинулась. А в следующую секунду грубые пальцы бесцеремонно ворвались в рот, не давая опомниться.

— Убери свои клыки, — холодно бросил Ци Хань, глядя на него свысока. — Иначе я их вырву.

Фу Гэ задохнулся от унижения, по щекам текли блестящие дорожки, скатываясь на пальцы Ци Ханя. Он глухо всхлипнул:

— Д-да, господин...

В итоге Ци Хань, как всегда, забрал инициативу в свои руки. Он грубо прижал Фу Гэ за шею, не давая даже пошевелиться. Горячие капли, грязные и липкие, стекали на пол, оставляя тёмные пятна на ткани пижамы.

Фу Гэ тяжело дышал. Пошатываясь, он вцепился в уголок кровати и, едва не оступившись, поднялся на ноги. Ладонь неловко прикрывала рот.

— Господин, подождите меня, — пробормотал он, задыхаясь.

И, не дожидаясь ответа, поспешно побежал в ванную. Торопливо чистил зубы, полоскал рот, судорожно глотая холодную воду. Мысли путались, но он изо всех сил старался ускориться — Ци Хань не любит ждать.

Попутно он лихорадочно придумывал, как бы задержать его хотя бы на несколько минут. Лучше всего было бы прямо спросить, что же такого он натворил тогда, что Ци Хань до сих пор не может это забыть.

Но тело, привыкшее к притворной покорности, уже давно стало послушным, как заведённая кукла. Даже когда Фу Гэ спешил, его движения всё равно оставались деревянными и неловкими.

Он выглядел как неисправный робот, который только начал осваивать человеческие жесты. Впопыхах трижды врезался в дверной косяк, пока наконец не выбрался обратно в комнату.

Перепуганный и чуть ли не путаясь в собственных ногах, Фу Гэ выбежал в коридор. Настолько поспешно, что его можно было бы назвать воодушевлённым — если бы это не выглядело так жалко.

— Всё, господин, я... — он задыхался, слова путались.

Но договорить не успел. Улыбка медленно застыла на губах, когда он увидел пустую комнату.

Ци Ханя уже не было. Кровать была идеально заправлена — ровная, как будто никто и не заходил.

— Уже ушёл... — прошептал Фу Гэ.

Он нервно шмыгнул носом, поднял голову, глядя на дверь, и сжал губы так крепко, что они начали подрагивать.

Резкий порыв ветра ударил в окна, заставив стёкла задребезжать. Фу Гэ вздрогнул и, испугавшись тишины, почти бегом бросился к двери комнаты Ци Ханя. Едва добежав, остановился как вкопанный.

Дверь была приоткрыта — словно оставленная специально для него. На глаза почти навернулись слёзы облегчения, но в следующую секунду оттуда послышался голос Ци Ханя:

— Найди мне пару омег. Сообразительных, без лишних вопросов. Никаких бет.

— Да что тут неясного? — раздражённо бросил он. — Бета без феромонов и без течки — как деревянное полено. Ничего интересного.

Фу Гэ замер. Пальцы болезненно вцепились в дверной косяк.

Голова медленно опустилась. Он стоял так долго, что действительно начинал казаться деревянной куклой. Только когда ноги окончательно затекли, развернулся и медленно побрёл вниз по лестнице.

Сегодня он больше не хотел задышаться в пропитанной потом одежде. Не хотел лежать, закутанный в одеяло так плотно, что кожа горела, а внутри было невыносимо душно.

Поэтому Фу Гэ сдался и направился в гостиную, решив провести остаток ночи за рисованием.

Опасаясь разбудить Ци Ханя, он включил лишь один небольшой ночник. Тусклого освещения было недостаточно, чтобы дать хоть какое-то чувство безопасности, поэтому он свернулся клубком, прижимая к себе планшет для рисования. В полумраке его почти не было видно — настолько маленьким и незаметным он старался казаться.

Сказать, что он рисовал, было бы преувеличением. Скорее это напоминало беспорядочные каракули. Пальцы дрожали так сильно, что удерживать карандаш было почти невыносимо. Рука словно отказывалась подниматься, а кончик ручки, едва касаясь бумаги, тут же начинал мелко дрожать.

Вдруг по лестнице донёлся звук шагов. В темноте лицо приближающегося было не разобрать, но свет от ночника блеснул на запястье. Несколько витков тёмно-синей ленты оплетали руку, а на ленте покачивался небольшой серебряный молельный барабан, не больше фаланги пальца.

Но Фу Гэ сразу понял, что это не Ци Хань. Голос был слишком молодой, почти детский, с обиженными нотками.

— Ну вот, опять рисуешь! — возмущённо воскликнул парень, подбегая ближе. — Совсем не боишься комаров, да?!

Фу Гэ не успел ничего ответить. Незнакомец, не мешкая, подошёл ближе и быстро схватил его за запястье. В голосе звучала такая жалобная интонация, что от неё защемило в груди.

— Брось это! — взмолился он, заглядывая Фу Гэ в глаза. — Посмотри, у тебя вся рука искусана! Вот тут, и тут... и ещё тут! — Он почти со слезами пересчитывал покрасневшие укусы, будто те могли исчезнуть, если пересчитать их правильно.

Потом насупился и обиженно пробормотал:

— А я даже не кусал столько раз...

Щёки Фу Гэ вспыхнули румянцем. Он смущённо отвёл глаза, но рука уже сама по себе поднялась, и прежде чем он успел что-то понять, кончик кисти мазнул по лбу незнакомца, оставляя тёмную черту.

— Веди себя прилично, — пробормотал он, стараясь не встречаться взглядом.

Фу Гэ сам опешил от собственных слов.

А тот даже не смутился — вместо этого мгновенно улёгся ему на колени и, как большая ласковая собака, начал тереться, словно требовал внимания.

— Разве я недостаточно послушный? — возмущённо забубнил он, устраиваясь поудобнее. — Ты ведь запретил мне звать тебя «жена» при посторонних! Я целую неделю молчал! Но теперь... теперь я оторвусь!

С этими словами он резко обхватил его талию, запрокинул голову, заглянул прямо в лицо.

— Жена! Жена! Жена! Жена! Жена! — голос был капризным, настойчивым, требовательным. — Не смотри на свои рисунки, смотри на меня!

Фу Гэ открыл рот, но не смог выдать ни звука. Этот напор, эта настойчивость сбивали его с толку, но... губы сами по себе дрогнули, и он вдруг улыбнулся.

Глаза, до этого полные тени, медленно наполнялись светом. Будто бы кто-то нажал кнопку включения, и в запоздало ожившем механизме заискрился тёплый, человеческий огонёк.

— Что ж ты так капризничаешь, а? — он покачал головой, мягко, с улыбкой. — Я и так весь день смотрю на тебя. Да и рисовать — это то же самое, что смотреть.

Он перевернул лист.

На свежем наброске — молодой, обнажённый альфа. Идеальные пропорции, сильное тело, напряжённые мышцы, вылепленные мощными, уверенными линиями. И при этом — разворот корпуса, солнечная поза, ловко пойманная энергия, что делала этот рисунок живым, почти тёплым.

— Тоже мне, поговори ещё! Ты знаешь, как тяжело мне было тебя добиться? — с притворной обидой проворчал альфа. — Я полгода бесплатно работал моделью у вас в студии!

Он вздохнул, сделав страдальческое лицо.

— Моё молодое прекрасное тело было выставлено на всеобщее обозрение!

Фу Гэ рассмеялся, погладил его по голове, несерьёзно похвалил:

— Ладно, ладно, спасибо за жертву. У тебя отличное тело!

— Вот это уже лучше... — с довольным видом протянул он, но тут же снова фыркнул. — Хотя всё равно, ты был чертовски сложным. Я бесплатно позировал для вас целый семестр. А в конце, на выпускных экзаменах, за мной буквально очередь выстроилась из омег, и все просили мой контакт! А ты! Я голый перед тобой проходил туда-сюда целых полгода, а ты даже моё имя не запомнил!

От возмущения он развернулся и уткнулся лицом прямо в его живот.

Фу Гэ вспыхнул.

Неловкость и нежность смешались в нём воедино, и прежде чем он успел что-то осознать, его губы коснулись края уха, оставляя там мягкий, кошачий поцелуй.

Голос прозвучал тихо, почти шелестом:

— Да ладно тебе... Ты ведь и сам давно знал, когда именно я в тебя влюбился. Не позже тебя, это точно.

— Ау! Тогда почему ты всё время игнорировал меня?

— А это потому, что все говорили, что наш главный красавчик не любит Бет... — начал было Фу Гэ, но осёкся на полуслове.

Не любит Бет...

Эти слова странно зазвенели в ушах, прокатились по нервам колючей дрожью. Фу Гэ застыл, не в силах выдать ни слова, и только сердце глухо бухало в груди.

— Ладно-ладно, понял я, — примирительно сказал альфа, не обращая внимания на его замешательство. Холодные пальцы мягко коснулись его головы, чуть встрепав волосы.

— Говорят, что художники всегда чуть приукрашивают своих любимых. Дай-ка гляну, ты меня там хоть немного побольше нарисовал?

Щёки Фу Гэ мгновенно вспыхнули алым. Он поспешно отвёл глаза, пробормотал что-то

смущённое:

— Ты... ты это где-то вычитал. Всё не так!

Он торопливо пролистал блокнот, ища хотя бы один удачный рисунок. Но пальцы вдруг дрогнули, когда оказалось, что все страницы, кроме первой, были испорчены. Какие-то страницы порезаны острым ножом, другие покрыты злобными каракулями и рваными линиями.

— Что, никак не найдёшь? — тихий голос прозвучал так резко и холодно, что Фу Гэ невольно вздрогнул.

Лёгкий озноб пробежал по спине. Он судорожно сглотнул и, сгибая пальцы, зашептал:

— П-подожди, я... я сейчас...

Но в тот же миг пальцы больно стиснули его запястье.

— Дай сюда! — резко приказал альфа, рывком вырывая у него блокнот.

Фу Гэ испуганно обернулся и едва не задохнулся от ужаса. Лицо перед ним, ещё мгновение назад обычное, вдруг исказилось. Черты растянулись в болезненной гримасе, а затем глаза, нос, рот — из всех щелей хлынула кровь. Распахнулась чёрная, бездонная пасть. Искажённый силуэт двинулся на него—

Фу Гэ взвизгнул и кубарем скатился с дивана. Едва удержав равновесие, бросился прочь, спотыкаясь и задыхаясь от паники. Сцены из кошмаров, что преследовали его сотни раз, вдруг ожили перед глазами.

Тёмный подвал.

Грубая плеть.

Связанные запястья.

Монотонное, уродливое видео, снова и снова крутящиеся кадры.

Чудовище за спиной бросилось следом, тянулось ледяными пальцами.

— Куда это ты убегаешь, братик? — проскрежетало оно с издевкой.

— Не подходи! Не подходи! — Фу Гэ закричал так, что голос сорвался в хрип. Он на четвереньках вскарабкался по лестнице, но не успел добраться и до середины пролёта, как кто-то резко схватил его за лодыжку.

От ужаса дыхание перехватило. Он отчаянно цеплялся за ступени, царапал ногтями дерево, но холодные пальцы безжалостно потащили его вниз.

— Пожалуйста, отпусти меня... Я умоляю, отпусти! — Фу Гэ зажмурился, бился и царапался из последних сил, голос сорвался на отчаянные вскрипы. — Это не я! Я не виноват! Это не я!..

— Сяо Гэ! — громкий окрик разрезал воздух, словно лезвие, возвращая ему способность дышать.

Фу Гэ судорожно перевёл дух, поднял руки и, дрожа, обернулся.

— Г-господин?..

— Это я, — голос Ци Ханя был сухим и холодным, но взгляд едва заметно дрожал. — Что с тобой случилось?

— Он... он пришёл... он хотел меня забрать! — Фу Гэ вскочил, дрожащей рукой указал на центр гостиной. — Он не оставит меня...

Но слова застыли в горле. Фу Гэ резко умолк, словно воздух вдруг кончился.

Гостиная была ярко освещена и абсолютно пуста.

Ни мольберта, ни ночника, ни того жуткого чудовища с окровавленным лицом. Даже на диване не осталось и следа, словно никто на нём и не сидел.

— Этого... этого не может быть... — Фу Гэ пошатнулся, побледнел и покачал головой. Глаза, красные и опухшие, бегали по комнате в поисках хоть чего-то знакомого. Он метнулся к дивану, торопливо перевернул подушки, но не нашёл даже того мятого пледа, который был раздавлен в панике.

— Не может быть... этого не может быть... я же видел! — он беспомощно оглядывался, задыхался от рыданий. Пальцы судорожно прикрыли рот, чтобы не сорваться в истерику. Он шагнул к лестнице, поднял умоляющий взгляд: — Господин, я... послушайте, я клянусь!..

Но слова оборвались. В третий раз за эту ночь. Голос замер, потому что теперь исчез и сам Ци Хань.

В одну короткую секунду весь мир застыл.

Фу Гэ в шоке застыл на месте, глядя перед собой расширенными глазами. Он сжал губы так крепко, что они начали кровоточить, но не смел пошевелиться. Пальцы дрожали, ногти впивались в ладони. Он медленно прикусил кончик пальца, грыз до тех пор, пока железистый привкус крови не заполнил рот. Только тогда он, наконец, смог поверить: всего этого не было.

Пустой взгляд метался по комнате. Лестница, тёмный дверной проём, холодный свет ночника. На лестнице валялся брошенный плед, промокший от холодного пота.

Телефон в руках всё ещё светился. На экране была открыта переписка с Ци Ханем.

Только вот под временем 6:39 не было ни одного сообщения.

Никаких ответов, никаких фраз про “ты не уложился в срок” или “постарайся лучше”. Единственное, что там висело — это уведомление о том, что его последнее сообщение было отозвано.

Ци Хань ничего ему не писал.

Он не говорил, что Фу Гэ опоздал. Он не велел ему стараться. Он никогда не заходил в его комнату. Он не обнимал его, не разбудил от кошмара, не шептал ничего на ухо.

С самого начала и до конца всё это было лишь его собственным спектаклем.

Он сам написал сценарий, сам играл все роли.

Фу Гэ то смеялся, то плакал, бросался на полотно, будто рисовал. А на деле разговаривал с пустотой. Он даже пытался флиртовать с воздухом, строил ласковые взгляды никому и ничему.

В этот момент что-то сломалось внутри, хрустнуло так громко, что уши заложило. Фу Гэ медленно опустился на пол, глаза были широко раскрыты, но не видели ничего. Он не знал, как долго так просидел, не знал, почему его пальцы так отчаянно сжимают телефон.

— Ненастоящее... — шёпот сорвался с губ, почти неслышный.

По щеке, медленно и тяжело, скатилась одинокая слеза. Но спасения так и не было.

Ни пять лет назад, ни теперь. Тот свет, что, как казалось, мог разорвать тьму, оказался лишь жалкой, нелепой иллюзией.

Сердце разрывалось на куски. Фу Гэ сдавленно выдохнул и подумал, что, наверное, ему было бы легче, если бы он был просто растением.

Глаза растерянно моргнули, когда он услышал знакомый голос:

— Сяо Гэ?

На лестничной площадке стоял Ци Хань. Его глаза были воспалённые, радужки расширены так, что почти не осталось цвета.

Это снова галлюцинация, устало решил Фу Гэ.

На этот раз он был умнее и не стал реагировать. Просто молча двинулся вверх по лестнице, волоча ноги, будто они были налиты свинцом.

Но стоило ему пройти мимо, как Ци Хань — или то, что ему почудилось, — резко схватил его за запястье.

— Почему ты не поднимаешь ноги? — сухо спросил он.

Фу Гэ замер, озадаченно проследил за его взглядом. Только теперь заметил, что действительно всё это время едва передвигал ноги, словно не мог оторвать их от пола.

Он попробовал приподнять ступню, но она будто прилипла к земле.

— Слишком тяжело, — почти шепотом ответил Фу Гэ.

— Почему тяжело?

Фу Гэ растерянно покачал головой:

— Я... я не знаю...

— Ты знаешь, — голос был тихим и слишком реальным. — Подумай хорошенько.

Фу Гэ зажмурился, и перед глазами поплыли расплывчатые образы. Тело вдруг обожгло резкой болью, будто оголённые нервы залило кипятком. Боль прострелила лодыжки, заставив его невольно задрожать.

— На ногах... кажется, что-то надето... — медленно выдавил он.

— Что именно?

Фу Гэ поднял глаза. Губы дрожали, голос срывался.

— Цепи. Тяжёлые железные цепи.

Их холодный металл впивался в кожу, оставляя кровавые следы.

— Сними их, — прошептал Фу Гэ, облизав пересохшие губы. Голос звучал умоляюще, дрожал на грани истерики. — Я больше не убегу, честно... Ты ведь всегда любил мои лодыжки, да? Они... они уже все в крови.

Слёзы крупными каплями катились по щекам. Фу Гэ стиснул губы, рыдая едва слышно:

— Мне так больно...

Но ответа не последовало, гостиная была тихой и пустой, словно тёплый морг.

Фу Гэ ещё полминуты не сводил глаз с пустого пространства, где только что, как ему казалось, стоял Ци Хань. Только теперь осознал, насколько жалко звучали его мольбы.

Он горько усмехнулся, будто над собственной глупостью, и резко выдернул запястье из чужой хватки. Повернулся и, тяжело ступая, медленно поплёлся вверх по лестнице.

Спустя десять минут после того, как он скрылся в своей комнате, призрак, который должен был исчезнуть, вдруг медленно пошевелился.

Ци Хань молча провёл пальцами по холодному металлу зажигалки, стоя у открытой двери. Образ Фу Гэ — дрожащего, плачущего, бегущего по гостиной, загнанного в угол собственными страхами — вьелся в память, раз за разом вспыхивая перед глазами.

Зажигалка щёлкнула, вспыхнул крошечный огонёк. Ци Хань сидел в тишине и курил всю ночь напролёт.

<http://bllate.org/book/14453/1278301>